

Научная статья

УДК 94(47).084

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-1-25-120

EDN: GODJPJ

**Внутрипартийный контроль в СССР
как элемент системы государственного управления:
известные аспекты и дискуссионные проблемы изучения**

Кирилл Александрович Юдин

Доктор исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии,
Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново
Kirill-yudin.hist@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9579-7056>

Аннотация. Статья обращена к историко-историографическому срезу деятельности специальных институтов власти в системе государственного управления СССР – органам внутрипартийного контроля. Предпринимается попытка акцентировать внимание как на уже известных параметрах деятельности Комиссии партийного контроля (КПК при ЦК ВКП (б)), ее структурных подразделений – уполномоченного КПК, партколлегий КПК на раннем, «инсталляционном» этапе их существования во второй половине 1930-х – 1940-е гг., так и прояснить специфику информационного потенциала документов КПК с учетом поздних реорганизаций, влиявших на предметно-содержательную активность этих учреждений. Для этого привлекаются материалы центральных и региональных архивов, уточняется классификация документов КПК. Делаются выводы о том, что, несмотря на повышение интереса к деятельности органов внутрипартийного контроля, некоторые аспекты, связанные с оценкой их статуса в политической системе СССР, проблемы публичности как индикатора функциональной эффективности, до сих пор остаются дискуссионными.

В заключении указывается на значимость документов органов внутрипартийного контроля, выполнивших как положительную, так и отрицательную «миссию», для детализации акторов социально-политической истории. Даётся прогноз, что новейшие теоретико-методологические подходы и разработки, в частности – концепция регионально-сетевого взаимодействия О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого, опыт биографических реконструкций и презентации коллективной памяти в совокупности с классическими подходами и принципами исторических исследований, способны совершенствовать представления о механизмах партийно-государственного регулирования, интегрировавшего и формальные, и неформальные практики контроля в спектре «центр-регион».

Ключевые слова: внутрипартийный контроль; государственное управление; историография; региональная история; сталинизм; идеология; Верхнее Поволжье

Для цитирования: Юдин К. А. Внутрипартийный контроль в СССР как элемент системы государственного управления: известные аспекты и дискуссионные проблемы изучения // Социально-политические исследования. 2025. № 1 (25). С. 120-135. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-1-25-120>. <https://elibrary.ru/GODJPJ>.

Original article

Intra-party control in the USSR as an element of the public administration system: known aspects and controversial issues of study

Kirill A. Yudin

Doctor of historical sciences, associate professor at department of history and culturology, Ivanovo state university of chemical technology, Ivanovo
Kirill-yudin.hist@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9579-7056>

Abstracts. The article is devoted to the historical and historiographic cross-section of the activities of special institutions of power in the system of public administration of the USSR – the internal party control bodies. An attempt is made to focus attention both on the already known parameters of the activities of the Party Control Commission (CPC under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)), its structural divisions – the authorized representative of the CPC, the party boards of the CPC at the early, “installation” stage of their existence in the second half of the 1930s – 1940s, and to clarify the specifics of the information potential of the CPC documents, taking into account the later reorganizations that influenced the subject-substantive activity of these institutions. For this purpose, materials from central and regional archives are used, the classification of CPC documents is clarified. Conclusions are made that, despite the increased interest in the activities of internal party control bodies, some aspects related to the assessment of their status in the political system of the USSR, the problem of publicity as an indicator of functional efficiency, still remain controversial.

In conclusion, the article points out the importance of documents of internal party control bodies, which carried out both positive and negative “missions”, for detailing the actors of socio-political history. It is predicted that the latest theoretical and methodological approaches and developments, in particular – the concept of regional-network interaction by O. V. Khlevniuk and J. Gorlitsky, the experience of biographical reconstructions and representation of collective memory in combination with classical approaches and principles of historical research, are capable of improving ideas about the mechanisms of party-state regulation, integrating both formal and informal control practices in the “center-region” spectrum.

Key words: intra-party control; public administration; historiography; regional history; stalinism; ideology; Upper Volga region

For citation: Yudin K. A. Intra-party control in the USSR as an element of the public administration system: known aspects and controversial issues of study. *Social and political researches*. 2025;1(25): 120-135. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-1-25-120>. <https://elibrary.ru/GODJPJ>.

Введение: общие и дискуссионные проблемы историографии

Одним из важнейших сегментов политической системы СССР был внутрипартийный контроль, что объяснялось самой природой коммунистической государственности, функционировавшей в виде диктатуры партии и ее аппарата. С февраля 1934 г. (*Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 940. Л. 45*) внутрипартийный контроль существовал в новом институциональном обличии. Наркомат ЦКК-РКИ (Центральной контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции), объявленный несоответствующим «духу времени» и ритмам сталинских преобразований, был заменен специализированной коллегией судебно-следственного типа. Таковой стала Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б), в 1952 г., переименованная в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.

КПК, ее структура, функции, материально-техническая база являются наименее изученным звеном советской государственно-политической системы. В историографии органов внутрипартийного контроля всегда существовали диспропорции, непреодоленные до сих пор. Даже в новейших исследованиях по истории государственного управления, претендующих на ее периодизацию, о возникновении КПК при ЦК ВКП(б) в середине 1930-х гг. иногда даже не упоминается [Бобошко, 2013; Лисеенко, 2016].

В советский период изучение специализированных ведомств было затруднено не только в силу идеологического диктата, догматизма, повышенного режима архивно-информационной секретности, но по той простой причине, что КПК во всех ее институциональных обличиях и модификациях на протяжении

всей второй половины XX века оставалась действующим органом партийно-политического контроля. Поэтому изыскания исследователей ограничивались или дозволенным полем «историографической ленинианы», связанной с изучением наркомата ЦКК-РКИ как воплощения ленинской идеи / плана [См., напр.: Ахмедов, 1964; Иконников, 1960] советского «народовластия» в виде альянса органов государственной власти и «общественной» инспекции, или носили характер служебно-ведомственных публикаций. Последние представляли собой не научную аналитику, а принимали форму отчетов-обзоров с элементами историко-партийной публицистики, так как в большинстве случаев, очевидно, составлялись лицами, непосредственно принимавшими участие в деятельности органов контроля и обладавшими доступом к их материалам, воспринимавшимся еще не как исторические источники, а как текущее и актуальное делопроизводство или нормативно-правовое обеспечение [Комитет партийного …, 1987]. К этому уровню и стилю были максимально приближены и диссертационные, монографические труды, посвященные, как правило, функционированию институтов внутрипартийного контроля в более поздний период времени [Пастух, 1966; Тибекин, 1965].

На современном этапе предприняты попытки устранения лакун в изучении системы внутрипартийного контроля. В отдельных работах [Калинина, 2013; Юдин, 2015а; Юдин, 2015б; Юдин, 2017] успешно выявлены технологии внутрипартийного контроля, их взаимосвязь с сущностью сталинской диктатуры и обликом партийно-советской номенклатуры, механизмы амбивалентности политico-идеологического и хозяйственно-экономического регулирования – контрольно-следственного воздействия и параллельной «амортиза-

ции» дел и процессов, осуществляемых институтами КПК и его отдельными представителями.

Защищаются новые диссертационные исследования, подхватывающие историографическую эстафету у более опытных в освоении этой проблемно-тематической области советских и российских авторов – И. М. Москаленко [Москаленко, 1981], Л. Ф. Морозова [Морозов, 1964], И. Г. Иванцова [Иванцов, 2008; Иванцов, 2009; Иванцов, 2011], А. Г. Дианова [Дианов, 2014] и многих других [Харитонов, 2018]. В одной из публикаций А. Г. Тепляков справедливо отмечал, что фонд КПК в РГАНИ «содержит огромное количество ценной информации, в том числе и той, которая касается морального сопротивления партийцев политике властей» [Тепляков, 2017, с. 98]. Делаются выводы о весомом статусе данного контрольно-надзорного учреждения в политической системе СССР, чья деятельность основывалась на интенсивном информационном сотрудничестве с НКГБ-МГБ СССР, что способствовало усилиению травматического эффекта от идеологических проработок за инкриминируемые обвинения в нарушении партийной дисциплины и этики [Тепляков, 2017].

Не оказался обойденным и постсталинский период времени, когда вновь произошло возвращение инспекционной модели контроля, очередное институциональное сближение сфер экспертизы ведомств собственно внутрипартийной специфики с государственно-контрольной. Это сопровождалось официальным возвращением структур общественного содействия – групп содействия, комсомольского проектора и других элементов [Добросоцкий, 2019]. Р. В. Тимофеев [Тимофеев, 2011], Т. И. Славко [Славко, 2017], В. Н. Никольский, А. В. Ревенко [Никольский, 2019] высоко оценивают информационный потенциал статистических материа-

лов органов народного контроля в 1960-1980-е гг., обусловленный множественностью поставленных перед ними задач, а также укомплектованность центральных и региональных фондов контрольно-ревизионных инстанций – Министерства государственного контроля (МГК), существовавшего в 1946-1958 гг., затем – Комиссии советского контроля Совета Министров СССР (1958-1961 гг.), Комиссии государственного контроля (КГК) СМ СССР (1961-1962), объединенной вместе с КПК при ЦК КПСС в Комитет партийно-государственного контроля (КПГК) ЦК КПСС и Совета Министров СССР (1962-1965 гг.). Появились и новейшие исследования, сфокусированные на особенностях контрольных практик в 1985-1991 гг. [Иванов, 2022].

Обращает на себя внимание диссертационное исследование и работы Т. Н. Никоноровой, плодотворно изучавшей архивно-делопроизводственную сторону деятельности КПК при ЦК ВКП(б) и в контексте источниковедческой критики документов внутрипартийного контроля как источника изучения экономической преступности [Никонорова, 2014]. Некоторые суждения создают основу для продолжения дискуссии. В частности, она отметила, что работа КПК, не приобретшей равнозначный статус по сравнению со своей предшественницей – Центральной контрольной комиссией, – была малоэффективной, поэтому являлась лишь продолжением экстенсивной модели «тоталитарного контроля» [Никонорова, 2014; Никонорова, 2015].

Но в довоенный период времени, когда «... происходило реформирование функционала КПК параллельно с расширением функций иных репрессивных органов» [Матюшин, 2019, с. 361], ее авторитет, правомочия, были весьма значительными, особенно в ходе подготовки кампаний по проверке и обме-

ну партийных документов 1935-1936 гг., трех московских процессов 1936-1938 гг., репрессий по итогам февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. и их некотором сдерживании после известного постановления январского (1938 г.) пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Кроме того, важно подчеркнуть, что именно на подобный «энтропийный» (а не качественно-бюрократический) эффект и рассчитывало сталинское руководство, допускавшее ситуации неопределенности / незавершенности при «экспертизе судеб», биографий партийных, советских работников, для которых создавалось искомое ощущение всеохватности контроля, перманентности социальной мобилизации, в том числе усиливавшейся с помощью личностно-персональных ресурсов, например, полномочий заместителя председателя КПК при ЦК ВКП(б), ее фактического руководителя, М. Ф. Шкирятова [Юдин, 2015б]. Все это необходимо учитывать при вполне справедливом указании на многочисленные технические и иные недостатки функционирования аппарата КПК.

«Последовательный отказ от публичности» вряд ли можно рассматривать в качестве индикатора снижения информационно-политических возможностей КПК [Никонорова, 2015, с. 33]. Результаты контрольно-проверочной работы КПК при ЦК ВКП(б) продолжали публиковаться в журналах «Партийное строительство», «Партийная жизнь», а также местных периодических изданиях («Рабочий край», орган Ивановского обкома ВКП(б)) и после 1939 г. в виде соответствующих рубрик [По материалам партколлегии ..., 1940]. Нельзя считать признаком снижения функций КПК и прекращение проведения собственных

plenумов. В годы Великой Отечественной войны (ВОВ) произошли административно-политические трансформации, связанные с возвращением к системе «коллективного руководства», интенсификации практик делегирования полномочий, когда осуществление властных полномочий было «дискреционным, рассматривалось как “частное” дело лидера» [Хлевнюк, 2011, с. 13, 223]. Представляется, что это можно экстраполировать не только на непосредственно сталинскую власть в целом, но и на деятельность других институтов данного политического режима. В годы ВОВ пленумы ЦК ВКП(б) также практически не созывались, однако, это не влияло на авторитет и верховенство решений, исходящих от высшей партийно-государственной власти.

С осторожностью стоит относиться к некоторым зарубежным исследованиям. Так, как известно, профессор Калифорнийского университета А. Гетти, предпринявший попытку коснуться деятельности КПК при ЦК ВКП(б) [Getty, 1997], принадлежит к ревизионистскому направлению в историографии сталинизма [Павлова, 2003], и все институциональные инициативы, предпринятые Сталиным в середине – второй половине 1930-х гг., оценивает как якобы подлинно либерально-демократические.

Результаты исследования

Деятельность КПК изначально приобрела ярко выраженную региональную составляющую. В административно-территориальных единицах создавались «филиалы» КПК – партколлегии (ПК) и аппараты уполномоченных, представлявшие *два направления проверки*: 1) собственно внутрипартийное в виде надзора за чистотой партийных рядов. Под этим подразумевалось в буквальном смысле просеивание с помощью тщательного изучения «политической физиономии» коммунистов, дознание на

предмет благонадежности, 2) хозяйствено-политическое, предполагавшее экспертизу исполнения решений партии и правительства в области промышленно-экономического развития. Не исключением из этой схемы стал и верхневолжский регион. В 1934-1936 гг. в тогда еще Ивановской промышленной области (ИПО) действовала партколлегия во главе с А. Ф. Витковским (*Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп. 2. Д. 3422. Л. 2-3*). В марте 1936 г. после разделения региона в Ивановской области дополнительно к партколлегии появился аппарат уполномоченного во главе с М. Л. Грановским. В Ярославской – сформирована партколлегия с командированным туда ответственным секретарем В. П. Грузелем (*Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 35. Д. 3244. Д. 1-1об.)*).

В 1937-1938 гг. кадровый состав институтов внутрипартийного контроля, параллельно с исполнением ими миссии по информационному обеспечению репрессивного курса, составлению «черных списков», подвергся встречному уничтожению. Были расстреляны А. Ф. Витковский, В. П. Грузель, отзыванные в «распоряжение ЦК» отдельные партследователи и ответственные контролеры. Поэтому в довоенное время внутрипартийный контроль приобрел крайне смешанные и эклектичные формы в виде совпадения административных функций ответственного секретаря партколлегии и уполномоченного, со средоточенных в одном лице: в Иванове – А. Г. Ипатова (декабрь 1937 – сентябрь 1938 гг.), затем И. Я. Кровякова (до июня 1939 г.); В Ярославле с июля 1937 – март 1938 гг. – это исполняющий обязанности ответственного секретаря ПК КПК Н. О. Попов, которому было поручено довести до конца дела партколлегии по разоблачению «троцкист-

ско-бухаринских последышей» (*Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 589. Оп. 4. Д. 95. Л. 88*), затем его сменил Ф. Н. Антипов (*Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 589. Оп. 4. Д. 95. Л. 187*). С июня 1939 – июль 1940 гг. структуры КПК были полностью отозваны из регионов, за исключением наиболее отдаленных территорий, а в июле 1940 г. возрождены в новом составе двух аппаратов уполномоченных.

Особый административно-политический статус КПК как информационно-аналитической службы сталинского режима, коллегии судебно-следственного типа, предопределил и внешние признаки, и внутреннюю содержательную структуру документов КПК. В соответствии с правилами ведения секретного делопроизводства весь корпус ведомственных материалов внутрипартийного контроля подлежал отдельному от основного массива документов ВКП(б)-КПСС хранению. В центральных и региональных архивах документы КПК составляют специальные фонды, которые получали соответствующее наименование, в зависимости от той структуры КПК (партколлегии или уполномоченного), которая там присутствовала. Так, в РГАСПИ – это единый фонд № 589. Он насчитывает 3 000 единиц хранения за 1934-1952 гг. В Ивановской области – фонд № П-367, содержащий документы ПК КПК, а затем уполномоченного с 1934 до 1947 гг. В Ярославской области имеются два отдельных фонда: партколлегии, появившейся в 1936 г., и уполномоченного – в 1940 г. (ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4825 – Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б). 1934-1939 гг.; Ф. 1209. – уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б). 1940-1947).

По делопроизводственной классификации все материалы КПК принадлежат

к организационно-распорядительной документации, воспроизведенной в машинописном варианте с рукописными вкладышами. На основании номенклатурно-информационной иерархии, способа формализации административных императивов можно условно выделить следующие виды документов, учитывая и центральный, и региональный компоненты. 1) Протоколы и заседания пленумов КПК при ЦК ВКП(б); 2) Протоколы заседания бюро КПК; 3) Протоколы заседания партколлегии КПК; 4) Выписки из протоколов заседаний бюро КПК при ЦК ВКП(б) и материалы к ним, фрагменты резолюций пленумов КПК, руководящие указания по работе уполномоченного, партколлегии и личному составу аппарата; 5) Докладные записки партследователей и ответственных контролеров; 6) Докладные записки и специальные итоговые информации, составляемые ответственным секретарем или уполномоченным КПК на имя председателя КПК или его заместителей; 6) Стенограммы совещаний ответственных контролеров при уполномоченном по социально-экономическим проблемам; 7) Протоколы заседания выездной парттроверки ПК КПК при ЦК ВКП(б); 8) Статистические и информационные отчеты о работе партколлегий КПК; 9) Переписка с КПК при ЦК ВКП(б), партколлегиями и уполномоченными других регионов, Комиссией советского контроля (КСК) при СНК СССР, прокуратурой, НКВД, обкомом и другими структурами; 10) Перечни персональных дел, включающие личные листки, удостоверения, автобиографии работников аппарата КПК.

Из всех материалов КПК особой ценностью по содержанию обладают разного рода информация и докладные записки. Они фактически иллюстрируют и представляют собой «живую ткань» деятельности КПК, связанную с повседневной аналитикой, аутентично отражают,

как справедливо замечено в историографии, «превентивно-фильтрационный» [Калинина, 2011, с. 65] уровень ее работы, фиксируя переход от первичного отбора информации к дальнейшей протокольно-статистической обработке. Докладные записки, справки и информация составлялись по широкому спектру социально-политического и экономического развития регионов – о проведении выборов руководящих парторганов, о состоянии дел в районных партийных организациях, о проверке и обмене партийных документов и связанных с хозяйственно-политическими кампаниями и настроениями граждан. В ходе проводимых проверок сотрудники КПК осуществляли систематизацию и классификацию наблюдаемых социальных явлений, в первую очередь тщательно фиксируя «контрреволюционные вылазки», «извращения линии партии», «правые уклоны и левацкие загибы», наиболее вопиющие случаи «морального разложения», нарушения партийной и государственной дисциплины, вскрывали замаскированных «двурушников» и «социально-чуждых элементов». Информация поступала в КПК по различным каналам, начиная от первоисточников – апеллирующих или ходатайствующих лиц по тем или иным вопросам в порядке личной инициативы, и заканчивая данными, получаемыми в ходе специальных расследований и контактов с учреждениями и их руководителями.

Наиболее репрезентативно технологии внутрипартийного контроля, его аккумулятивная роль по сбору компрометирующих материалов на руководителей верхневолжского региона просматривается в период подготовки и проведения кампании по проверке и обмену партийных документов весной 1935 – осенью 1936 гг., когда на многие промышленные объекты выехали со специальной проверкой партследователи [См. подр.: Юдин, 2017]. Принимали участие инсти-

туты КПК при ЦК ВКП(б) и в репрессивных атаках против руководства советской кинематографией. Так, в сентябре 1936 г. уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Ленинградской области Р. Г. Рубенов поставил вопрос об исключении из партии писателя Беляева, заведующего сценарным отделом киностудии «Ленфильм» Белицкого и об объявлении выговора с возможным «снятием с работы» директора «Ленфильма» Л. Г. Кацнельсона за «контрреволюционное использование» материалов для фильма о С. М. Кирове, или содействие подготовке «вредительской» версии сценария, который «... являлся поверхностным и не отражал величия темы о детстве и юности славного сына нашей партии, одного из ее славных вождей, злодейски убитого шайкой троцкистско-зиновьевско-фашистской сволочи» [Кремлевский кинотеатр ..., 2005, с. 347].

В то же время все обозначенные виды документации фиксировали и положительную сторону деятельности КПК и ее региональных структур, которые при необходимости играли роль «антикризисных администраторов», доводя до центрального руководства сведения о сбоях в работе промышленности, нарушениях профессиональной, трудовой дисциплины, о состоянии сельского хозяйства и т. п. Особенно этот пласт информации начинает доминировать в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., когда руководству страны требовались достоверные данные о темпах военно-технической модернизации и качества ее реализации.

В конце 1940 – начале 1950-х гг. документы КПК при ЦК ВКП(б) продолжают выступать важнейшим и востребованным источником, отражающим социально-политическую действительность, повседневную жизнь в условиях восстановления экономики и отдельных объектов хозяйственной инфраструктуры. В

феврале 1946 г. уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Курской области М. Строкотенко направил на имя Г. М. Маленкова специальную справку, в которой сообщал, что Курский обком только через месяц перенаправил в районные организации Постановление СНК СССР от 21.09.1945 г. «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны», что привело к фактическому уклонению от его выполнения: «Многие райкомы и райисполкомы повседневно не занимаются удовлетворением материально-бытовых нужд семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны, в ряде случаев стали на иждивенческий путь, рассчитывая получать промтовары только за счет государства, не используются местные производственные возможности по изготовлению валяной и кожаной обуви <....>» [Социальная политика СССР ..., 2020, с. 556]. Этот же вопрос был поднят и уполномоченным КПК при ЦК ВКП(б) по Пензенской области Н. Прокофьевым, который 11 мая 1946 г. докладывал А. А. Жданову, что выдача участникам войны и их семьям хлопчатобумажных тканей, швейных изделий и другой продукции в полном объеме была осуществлена только после вмешательства КПК [Социальная политика СССР ..., 2020, с. 560]. Летом этого же года КПК при ЦК ВКП(б) была организована масштабная проверка, охватившая 35 областей, 6 краев и 14 союзных и автономных республик, направленная на улучшение материально-бытового обслуживания населения [Социальная политика СССР ..., 2020]. В ряде административно-территориальных субъектов был произведен настоящий «банный рейд», приведший, если не к полному устранению всех социальных пороков, описанных М. М. Зощенко, но, во всяком случае, к значительному улучшению функциони-

рования этих и других хозяйственных объектов – гостиниц, парикмахерских [Социальная политика СССР …, 2020].

Не оказались обойденным стороной в документах КПК и проблемы повседневной жизни советской молодежи, условий их обучения в школах ФЗО и ремесленных училищах (РУ). Так, уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Владимирской области А. М. Школьников докладывал о следующих неприятных фактах: «В РУ № 7, 4 апреля 1946 года, воспитатель В. М. Лакин вытолкал ученика Захарова из комнаты, причинив ему боль и доведя до слез. Этот “воспитатель” часто кричит на учащихся и “пинками” наводит порядок» [Социальная политика СССР …, 2020, с. 529]. Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Свердловской области А. Коньшков подтверждал информацию своего коллеги, а также многочисленных писем, поступавших в газету «Правда», о «кошмарных условиях» существования: «В общежитиях грязно. <…> Вода для умывания и питья в общежитиях бывает нерегулярно. Нет также кружек для питья и учащиеся обычно пьют воду прямо из ведра. Изолятор для больных находится далеко от общежития, никто за ними не следит. Больные сами ходят за водой и дровами; дневного света в этом помещении нет и по существу заболевшие учащиеся попадают в еще худшие условия» [Социальная политика СССР …, 2020, с. 520].

Информационно-политические «интервенции», цековский контроль с помощью внутрипартийного инструментария приводил к реактивности на местах, стимулируя региональную администрацию к разрешению хозяйственных проблем, поскольку, как резонно отмечал в марте 1947 г. уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Молотовской и Ворошиловградской областям И. Т. Савченко, безназанность приобретает угрожающие масштабы, «… начальники трестов и

шахт, не чувствуя контроля и требовательности в деле улучшения бытовых условий шахтеров со стороны партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, смирились с имеющимися недостатками и перестали их замечать» [Социальная политика СССР …, 2020, с. 476]. Об этом свидетельствует рапорт, составленный в январе 1946 г. секретарем Молотовского обкома ВКП(б) К. М. Хмелевским на имя Г. М. Маленко-ва, о принятых мерах по выполнению Постановления Бюро КПК при ЦК ВКП(б) «О неудовлетворительной работе предприятий местной промышленности, промысловый кооперации и кооперации инвалидов Молотовской области» [Социальная политика СССР …, 2020, с. 552].

В более поздний период времени документы органов внутрипартийного контроля по содержанию и стилю преподнесения информации становятся предельно «рафинированными», практически полностью избавленными от прежней идеологизированной патетики, наблюдавшейся в 1930-1950-е гг. Контролеры, партийные следователи сдержанно «доводили до сведения» о фактах бюрократизма, нерационального использования государственных средств, а затем – об алгоритме предпринятых контрмер. Так, в течение 1962-1963 гг. Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и СМ СССР, осуществляя проверку советского кинопроизводства, пришел к выводам о том, что «… руководство ряда совнархозов, ведомственных предприятий и учреждений, исходя из местнических соображений, открывают студии в обход существующих постановлений правительства» (*Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 35. Д. 72. Л. 103-106*). Как удалось выяснить сотрудникам КПГК, большинство фильмов, созданных более чем на 300 ведомственных киностудиях, на

оборудование которых было израсходовано около 10 млн рублей, «... не отвечают задачам пропаганды и распространения новых достижений науки и техники» (*Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 35. Д. 72. Л. 103-106.*)

На локальном, союзно-республиканском уровне, документы КПГК стали еще более приближенными к статистическим, массовым источникам, в которых намеренно преподносилась «тотальная всеохватность» и доступность сопричастности к исполнению контрольных функций как почетной миссии. В отчете «О работе Отдела партийно-государственного контроля по учреждениям народного образования, науки, высших учебных заведений и здравоохранения» за 1963 г. производились перечисления: «За отчетный период проведено 25 проверок, из них по плану КПГК бюро ЦК КПСС по РСФСР и СМ РСФСР – 4, по поручению руководства КПГК ЦК КПСС и СМ СССР – 6, по поручению бюро ЦК КПСС по РСФСР – 1, по письмам и заявлениям – 14 проверок» <...> «За 1963 год в проверках, проведенных Отделом, приняли участие 49 групп содействия партгосконтролю и 1339 человек из местного общественного актива» (*Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-420. Оп. 1. Д. 12. Л. 58, 90, 91.*)

Вновь подчеркивалась демонстративная и нередко весьма искусственная публичность, в том числе в виде изданий листков партгосконтроля как составной части местной газетной периодики. Как совершенно верно отмечали Н. И. Добросоцкий и А. А. Слезин, «в деятельности контрольных подразделений проявлялся все тот же бюрократизм, с которым они были призваны бороться. <...> Во многих организациях, где сначала “Комсомольский прожектор” работал весьма успешно, заряда энтузиазма хватило ненадолго» [Добросоцкий, 2019,

с. 282]. Были, разумеется, и заметные, отличавшиеся драматизмом, исключения из типичной, ординарной практики. Осенью 1963 г. резонанс получило «дело» Рудничной автобазы г. Кемерово, когда в качестве мести за «разоблачение расхитителей социалистической собственности» было совершено покушение на народного контролера В. Д. Гуляева (*Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-420. Оп. 1. Д. 6. Л. 77*). В любом случае, как верно отметил Р. Г. Пихоя, «складывалась поистине уникальная ситуация», при которой дублирование полномочий местной номенклатуры путем инкорпорации институтов КПГК в состав региональной администрации сочеталось с внешними правами «производить расследования, налагать на виновных взыскания и штрафы, передавать дела в прокуратуру и суд» [Пихоя, 2009, с. 426], контролировать вооруженные силы, КГБ и Министерство охраны общественного порядка.

Таким образом, Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б)-КПСС во всех структурных обличиях обладала значимым арбитражным функционалом. В частности, в Положении «О Комитете партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР и соответствующих органах на местах» (4 декабря 1962 г.) была определена следующая диспозиция: «В случае, если местные партийные и советские органы не согласны с постановлением соответствующего комитета партийно-государственного контроля, то вопрос передается на рассмотрение в вышестоящий партийный и контрольный орган» (*Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 23. Л. 122.*)

Заключение

В целом, при всей политизации как дискурсивного облика сообщений, так и определенной доли пристрастия ответ-

ственных контролеров и партследователей в плане выбора объектов для проверки, тем не менее степень их субъективности в 1930-1950-е гг. и последующий период погашались статусом независимых от местного партийного руководства «наместников ЦК», способствуя служебно-осведомительной добросовестности. Кроме того, адекватности оценок, преодолению «разоблачительской экспрессии» и достижению «амортизационного эффекта» способствовала и профессиональная компетентность авторов информационных депеш, многие из которых являлись выходцами из среды инженерно-технической интеллигенции. Несмотря на действительно имевшую место быть после устранения «фактора Сталина» инволюцию системы внутрипартийного контроля и деятельности его ведомств, в 1960-1980-е гг. приобретшую отчетно-формализованный характер, документы органов внутрипартийного контроля можно считать важнейшим и весьма достоверным источником по социально-политической истории СССР, отражавшим трансформацию как институциональных форм, так и динамику советской ментальности,

обусловленную также менявшейся атмосферой идеологической напряженности.

Наконец, к уровню внутрипартийного контроля также применима концепция регионально-сетевого взаимодействия партийной и советской номенклатуры, обозначенная в одном из последних исследований О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого [Хлевнюк, 2024]. Исследование неформальных каналов коммуникации, легитимации полномочий и перспектив карьерного роста, с одной стороны, дает представление о модификации административно-политических технологий в период позднего социализма в целом, когда происходило формирование практик агентства, «основанного на обширном делегировании полномочий и системе малозаметных неформальных рычагов контроля» [Хлевнюк, 2024, с. 377]; с другой – позволяет дополнительно верифицировать функциональный потенциал непубличных решений органов внутрипартийного контроля, также обусловленных личностно-персональными регулятивами, что создает перспективу для коммеморативных презентаций с учетом расширяющихся масштабов историко-биографической рефлексии и ее периодизации [Никифоров, 2024].

Библиографический список

1. Ахмедов Ф. Н. Ленинская идея организации рабоче-крестьянской инспекции и ее осуществление в Азербайджанской ССР // Ученые записки Азербайджанского университета. История и философия. 1964. № 4. С. 3-7.
2. Бобошко В. И. Развитие государственного контроля в России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. С. 148-154.
3. Дианов А. Г. Создание объединенных органов партийно-государственного контроля в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 114-120.
4. Добросоцкий Н. И. Деятельность «Комсомольского прожектора» как фактор развития советской промышленности в 1960-е годы / Н. И. Добросоцкий, А. А. Слезин // Научный диалог. 2019. № 11. С. 271-285.
5. Иванов А. М. Деятельность Комиссии партийного контроля на первом этапе перестройки (1985-1991) по материалам Смоленского обкома КПСС // Modern Science. 2022. № 3-1. С. 84-88.

6. Иванцов И. Г. Деятельность органов партийно-государственного контроля на Кубани и Северном Кавказе в начале 1930-х годов // Российская история. 2011. № 4. С. 163-172.
7. Иванцов И. Г. Система партийно-государственного контроля РКП(б)-ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920-1934 гг. Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2008. 323 с.
8. Иванцов И. Г. Украинаизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2009. 100 с.
9. Иконников С. Н. Ленинский план реорганизации Рабоче-крестьянской инспекции и его осуществление в 1923-1935 годах // Вопросы истории. 1960. № 2. С. 3-21.
10. Калинина О. Н. Партийно-государственный контроль в номенклатурной системе (вторая половина 1940-х – начало 1960-х годов) // Исторический ежегодник. 2011: Сб. научных трудов / Институт истории СО РАН. Новосибирск : Параллель, 2011. С. 60-70.
11. Калинина О. Н. Партийные и советские руководители Западной Сибири (1946-1964 гг.): опыт исторического анализа. Новосибирск : Параллель, 2013. 435 с.
12. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. О практике работы комиссии партийного контроля при Владимирском обкоме КПСС // Партийная жизнь. 1987. № 1. С. 26-29.
13. Кремлевский кинотеатр. 1928-1953. Документы. Москва : РОССПЭН, 2005. 1120 с.
14. Лиссеенко В. И. Государственный контроль в России: исторический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. Серия: Право. Т. 1, Вып. 2. С. 18-26.
15. Матюшин П. Н. К вопросу о преобразовании органов партийно-политического контроля Чувашской АССР в середине 1930-х гг.: причины и реализация / П. Н. Матюшин, М. Ю. Харитонов // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2019. Т. 5, № 4. С. 356-363.
16. Морозов Л. Ф. Органы ЦКК-РКИ в борьбе за совершенствование советского государственного аппарата (1923-1934 гг.). Москва : Юридическая литература, 1964. 220 с.
17. Москаленко И. М. Органы партийного контроля в период строительства социализма (задачи, структура и методы деятельности контрольных комиссий 1920-1934 гг.). Москва : Из-во Московского университета, 1981. 168 с.
18. Никольский В. Н. Органы народного контроля над Донетчине (1960-1970-е гг.): постановка проблемы / В. Н. Никольский, А. В. Ревенко // Донецкие чтения-2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк : Донецкий национальный университет, 2019. С. 114-115.
19. Никонорова Т. Н. Делопроизводство Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). 1934-1952 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 104-114.
20. Никонорова Т. Н. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934-1952) // Российская история. 2015. № 6. С. 26-40.
21. Никифоров Ю. С. Партийная власть Ярославской области (1936 – 1991 гг.) как объект исторического анализа // Социально-политические исследования. 2024. № 3 (24). С. 97-110.

22. Павлова И. В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19-37.
23. Пастух Б. С. О деятельности Кокандского городского комитета народного / партийного-государственного контроля в годы семилетки // Кокандский педагогический институт им. Мукими. Ученые записки. Вып. 6. Вопросы строительства социализма в Узбекистане. Ташкент, 1966. С. 40-51.
24. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. 1945-2005. В 3 тт. Т. 1. 1945-1964. Москва : Новый хронограф, 2009. 456 с.
25. По материалам партколлегии КПК при ЦК ВКП(б) // Партийное строительство. 1940. № 18. С. 70-71.
26. Славко Т. И. Деятельность и структура органов народного контроля в советской России 1960-1980-х гг.: статистические источники // Информационно-документационные процессы и технологии: история и современность : сб. статей / отв. ред. Т. И. Славко. Сыктывкар : Коми, республиканская Академия Государственной службы, 2017. С. 135-141.
27. Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг. Документы и материалы. Москва : Научно-политическая книга, 2020. 718 с.
28. Тепляков А. Г. «Взгляды, которые мы пропагандировали, часто нелепы...». Послевоенная Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) против инакомыслия «солдат партии» // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 1(31). С. 97-106.
29. Тибекин П. И. Опыт работы комиссий партийного контроля на предприятиях. Алма-Ата : Казахстан, 1965. 94 с.
30. Тимофеев Р. В. Основные направления деятельности органов контроля Белорусской ССР в 1944-1965 гг. (на примере предприятий транспорта) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 100-103.
31. Харитонов М. Ю. Историография истории органов государственно-партийного контроля Чувашии 1920-1930-х годов (советский период) / М. Ю. Харитонов, С. Б. Харитонова // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 172-193.
32. Хлевнюк О. В. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева / О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий. Москва : НЛО, 2024. 432 с.
33. Хлевнюк О. В. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2011. 231 с.
34. Юдин К. А. Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг.: идеино-институциональный облик. Иваново : ИГХТУ, 2015а. 295 с.
35. Юдин К. А. Кампания проверки и обмену партийных документов как отражение политических технологий сталинского режима на территории Верхневолжского региона в 1935-1936 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 1. С. 112-123.
36. Юдин К. А. Матвей Федорович Шкирятов // Вопросы истории. 2015б. № 2. С. 36-51.
37. Getty A. Pragmatists and puritans: The rise and fall of the party control commission. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1997. 45 p.

Reference list

1. Ahmedov F. N. Leninskaja ideja organizacii raboche-krest'janskoj inspekcii i ee osushhestvlenie v Azerbajdzhanskoj SSR = Lenin's idea of organizing a workers' and

- peasants' inspection and its implementation in the Azerbaijan SSR // Uchenye zapiski Azerbajdzhanskogo universiteta. Istorija i filosofija. 1964. № 4. S. 3-7.
2. Boboshko V. I. Razvitiye gosudarstvennogo kontrolja v Rossii = Development of state control in Russia // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 1. S. 148-154.
3. Dianov A. G. Sozdanie ob#edinennyh organov partijno-gosudarstvennogo kontrolja v Sibiri = Creating joint party-state control bodies in Siberia // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 387. S. 114-120.
4. Dobrosockij N. I. Dejatel'nost' «Komsomol'skogo prozhektora» kak faktor razvitiya sovetskoy promyshlennosti v 1960-e gody = The activity of “The Komsomolsky Prozhektor” as a factor in the development of Soviet industry in the 1960s / N. I. Dobrosockij, A. A. Slezin // Nauchnyj dialog. 2019. № 11. S. 271-285.
5. Ivanov A. M. Dejatel'nost' Komissii partijnogo kontrolja na pervom jetape perestrojki (1985-1991) po materialam Smolenskogo obkoma KPSS = Activities of the Party Control Commission during the first stage of perestroika (1985-1991) based on materials from the Smolensk Regional Committee of the CPSU // Modern Science. 2022. № 3-1. S. 84-88.
6. Ivancov I. G. Dejatel'nost' organov partijno-gosudarstvennogo kontrolja na Kubani i Severnom Kavkaze v nachale 1930-h godov = The activities of party and state control bodies in the Kuban and the North Caucasus in the early 1930s // Rossijskaja istorija. 2011. № 4. S. 163-172.
7. Ivancov I. G. Sistema partijno-gosudarstvennogo kontrolja RKP(b)-VKP(b) na Kubani i Severnom Kavkaze. 1920-1934 gg. = The system of party-state control of the RCP (b) -VKP (b) in the Kuban and the North Caucasus. 1920-1934. Krasnodar : Krasnodarskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2008. 323 s.
8. Ivancov I. G. Ukrainizacija Kubani v dokumentah komissij vnutripartijnogo kontrolja VKP(b). 1920-e – nachalo 1930-h gg. = Ukrainization of the Kuban in the documents of the commissions of internal party control of the CPSU (b). 1920s – early 1930s. Krasnodar : Krasnodarskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2009. 100 s.
9. Ikonnikov S. N. Leninskij plan reorganizacii Raboche-krest'janskoj inspekcii i ego osushhestvlenie v 1923-1935 godah = Leninsky plan for the reorganization of the Workers' and Peasants' Inspectorate and its implementation in 1923-1935 // Voprosy istorii. 1960. № 2. S. 3-21.
10. Kalinina O. N. Partijno-gosudarstvennyj kontrol' v nomenklaturalnoj sisteme (vtoraja polovina 1940-h – nachalo 1960-h godov) = Party-state control in the nomenclature system (second half of the 1940s – early 1960s) // Istoricheskiy ezhegodnik. 2011: Sb. nauchnyh trudov / Institut istorii SO RAN. Novosibirsk : Parallel', 2011. S. 60-70.
11. Kalinina O. N. Partijnye i sovetskie rukovoditeli Zapadnoj Sibiri (1946-1964 gg.): opyt istoricheskogo analiza = Party and Soviet leaders of Western Siberia (1946-1964): experience in historical analysis. Novosibirsk : Parallel', 2013. 435 s.
12. Komitet partijnogo kontrolja pri CK KPSS. O praktike raboty komissii partijnogo kontrolja pri Vladimirskom obkome KPSS = Party Control Committee under the Central Committee of the CPSU. On the practice of the work of the party control commission under the Vladimir regional committee of the CPSU // Partijnaja zhizn'. 1987. № 1. S. 26-29.
13. Kremlevskij kinoteatr. 1928-1953. Dokumenty = Kremlin cinema. 1928-1953. Documents. Moskva : ROSSPJeN, 2005. 1120 s.
14. Liseenko V. I. Gosudarstvennyj kontrol' v Rossii: istoricheskiy aspekt = State control in Russia: historical aspect // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. Serija: Pravo. T. 1, Vyp. 2. S. 18-26.

15. Matjushin P. N. K voprosu o preobrazovanii organov partijno-politicheskogo kontrolja Chuvashkoj ASSR v serедине 1930-h gg.: prichiny i realizacija = On the question of transforming the party and political control bodies of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in the mid-1930s: reasons and implementation / P. N. Matjushin, M. Ju. Haritonov // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istoricheskie nauki. Juridicheskie nauki. 2019. T. 5. № 4. S. 356-363.
16. Morozov L. F. Organy CKK-RKI v bor'be za sovershenstvovanie sovetskogo gosudarstvennogo apparata (1923-1934 gg.) = Bodies of the Central Control Commission-RCT in the struggle to improve the Soviet state apparatus (1923-1934). Moskva : Juridicheskaja literatura, 1964. 220 s.
17. Moskalenko I. M. Organy partijnogo kontrolja v period stroitel'stva socializma (zadachi, struktura i metody dejatel'nosti kontrol'nyh komissij 1920-1934 gg.) = Party control bodies during the construction of socialism (tasks, structure and methods of activity of control commissions 1920-1934). Moskva : Iz-vo Moskovskogo universiteta, 1981. 168 s.
18. Nikol'skij V. N. Organy narodnogo kontrolja nad Donetchine (1960-1970-e gg.): postanovka problemy = National control bodies over the Donetsk region (1960s-1970s): setting a problem / V. N. Nikol'skij, A. V. Revenko // Doneckie chtenija-2019: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti. Doneck : Doneckij nacional'nyj universitet, 2019. S. 114-115.
19. Nikonorova T. N. Deloproizvodstvo Komissii partijnogo kontrolja pri CK VKP(b). 1934-1952 gg. = Office work of the Party Control Commission under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. 1934-1952 // Vestnik arhivista. 2014. № 2. S. 104-114.
20. Nikonorova T. N. Komissija partijnogo kontrolja pri CK VKP(b) (1934-1952) = Party Control Commission under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (1934-1952) // Rossijskaja istorija. 2015. № 6. S. 26-40.
21. Nikiforov Ju.S. Partijnaja vlast' Jaroslavskoj oblasti (1936 – 1991 gg.) kak ob'ekt istoricheskogo analiza = Party power of the Yaroslavl region (1936-1991) as an object of historical analysis // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2024. № 3(24). S. 97-110.
22. Pavlova I. V. 1937: vybory kak mistifikacija, terror kak real'nost' = 1937: elections as mystification, terror as reality // Voprosy istorii. 2003. № 10. S. 19-37.
23. Pastuh B. S. O dejatel'nosti Kokandskogo gorodskogo komiteta narodnogo / partijnogo-gosudarstvennogo kontrolja v gody semiletki = On the activities of the Kokand city committee of people's/party-state control during the seven-year period // Kokandskij pedagogicheskij institut im. Mukimi. Uchenye zapiski. Vyp. 6. Voprosy stroitel'stva socializma v Uzbekistane. Tashkent, 1966. S. 40-51.
24. Pihaja R. G. Moskva. Kreml'. Vlast' = Moscow. Kremlin. Power. 1945-2005. V 3 tt. T. 1. 1945-1964. Moskva : Novyy hronograf, 2009. 456 s.
25. Po materialam partkollegii KPK pri CK VKP(b) = Based on materials from the Party Board of the CPC under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks // Partijnoe stroitel'stvo. 1940. № 18. S. 70-71.
26. Slavko T. I. Dejatel'nost' i struktura organov narodnogo kontrolja v sovetskoy Rossii 1960-1980-h gg.: statisticheskie istochniki = Activities and structure of popular control bodies in Soviet Russia of the 1960-1980s: statistical sources // Informacionno-dokumentacionnye processy i tehnologii: istorija i sovremennost' : sb. statej / otv. red. T. I. Slavko. Syktyvkar : Komi, respublikanskaja Akademija Gosudarstvennoj sluzhby, 2017. S. 135-141.

27. Social'naja politika SSSR v poslevoennye gody. 1947-1953 gg. Dokumenty i materialy = Social policy of the USSR in the postwar years. 1947-1953 Documents and Materials. Moskva : Nauchno-politicheskaja kniga, 2020. 718 s.
28. Tepljakov A. G. «Vzgljady, kotorye my propagandirovali, chasto nelepy...». Poslevoennaja Komissija partijnogo kontrolja pri CK VKP(b) protiv inakomyslija «soldat partii» = “The views we propagated are often ridiculous....” Post-war Party Control Commission under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks against the dissent of “party soldiers” // Idei i idealy. 2017. T. 1. № 1(31). S. 97-106.
29. Tibekin P. I. Opyt raboty komissij partijnogo kontrolja na predprijatijah = Experience of party control commissions at enterprises Alma-Ata : Kazahstan, 1965. 94 s.
30. Timofeev R. V. Osnovnye napravlenija dejatel'nosti organov kontrolja Belorusskoj SSR v 1944-1965 gg. (na primere predprijatij transporta) = The main activities of the control bodies of the Byelorussian SSR in 1944-1965. (on the example of transport enterprises) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 350. S. 100-103.
31. Haritonov M. Ju. Istorijografija istorii organov gosudarstvenno-partijnogo kontrolja Chuvashii 1920-1930-h godov (sovetskiy period) = Historiography of the history of state-party control bodies of Chuvashia in the 1920-1930s (Soviet period) / M. Ju. Haritonov, S. B. Haritonova // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2018. № 4. S. 172-193.
32. Hlevnjuk O. V. Sekretari. Regional'nye seti v SSSR ot Stalina do Brezhneva = Secretaries. Regional networks in the USSR from Stalin to Brezhnev / O. V. Hlevnjuk, J. Gorlickij. Moskva : NLO, 2024. 432 s.
33. Hlevnjuk O. V. Holodnyj mir: Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury = Cold world: Stalin and the end of the Stalinist dictatorship / O. V. Hlevnjuk, J. Gorlickij. Moskva : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2011. 231 s.
34. Judin K. A. Vnutripartijnyj kontrol' v SSSR 1930 – nachala 1940-h gg.: idejno-institucional'nyj oblik = Internal party control in the USSR 1930 – early 1940s: ideological and institutional appearance. Ivanovo : IGHTU, 2015a. 295 s.
35. Judin K. A. Kampanija proverke i obmenu partijnyh dokumentov kak otrazhenie politicheskikh tehnologij stalinskogo rezhima na territorii Verhnevolzhskogo regiona v 1935-1936 godah = Campaign to check and exchange party documents as a reflection of the political technologies of the Stalinist regime in the Upper Volga region in 1935-1936 // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2017. T. 22. № 1. S. 112-123.
36. Judin K. A. Matvej Fedorovich Shkirjatov = Matvey Fedorovich Shkiryatov // Voprosy istorii. 2015b. № 2. S. 36-51.
37. Getty A. Pragmatists and puritans: The rise and fall of the party control commission. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1997. 45 r.

Статья поступила в редакцию 04.01.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2025; принята к публикации 13.02.2025.

The article was submitted on 04.01.2025; approved after reviewing 26.01.2025; accepted for publication on 13.02.2025